

Виктор Коротаев

ЕДИНСТВО

СТИХОТВОРЕНИЯ
И ПОЭМА

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»

1991

Поле

С доктриной своей не нависну —
Как хочется,
Так и зови.
Но это, по сути,
По смыслу —
Магнитное поле
Любви.
Почти необъятны границы
Его населяющих чад:
Там свищут и цвенькают
Птицы,
Там звери
Рычат и урчат.
И медом исходят
Соцветья,
И, мрачные тучи презрев,
Резвятся и ссорятся
Дети
Под кронами
Древних дерев.
Там женщина —
Вся вырезная —
От речки
В предутренней мгле
Идет
И, конечно, не знает,
Как любят ее
На земле.
И каждая пядь там —
Священна,
И нету призывней вдали
Единственной,
Благословенной
И незаменимой земли.
В ней жизнь моя,

Воля
И доля,
И вечная жажда творить.
И я это чистое поле
Не дам
Сорнякам
Осквернить!

Стихотворения

* * *

Ничего не надо подправлять
Да при этом
Каяться и маяться.
Научились
Реки двигать вспять,
Думают,
Что так и полагается.
Головы садовые...
Кажись,
Одолел их зуд
Гигантотворчества.
Может быть, с рекой
Сравнили жизнь,
Чтоб крутить и ею,
Как захочется.
Ничего не выйдет, земляки.
Вы и так до слез ее обидели.
Не скажу о вас,
Что дураки,
Но не говорить же.
Что — вредители.
Снова прет
Кислотная гроза,
Молния сверкает,
Точно палица.
Если бы на все
Закрывать глаза!
Но они
Никак не закрываются...
Яростно вперяются во тьму.
Вопрошают жизнь:
Так где же истина?
И всего скорее
Потому,
Что от общей —
Личная зависима.
И уж нам ли этого не знать:
Жизнь — она большая рукодельница.
Чем в ней меньше
Станешь подправлять,
Тем скорее
В корне переменится.

* * *

Докатились, кажется, до точки,
Безоглядно
Двигаясь вперед,
Если у сына или у дочки
Дефицит духовности
Растет.
Ждет народ заранее признанья:
Мол, вредна
Для неокрепших душ
Клятая система
Воспитанья
И образования
К тому ж.
Но у нас
Досель почетней были
Всяких там врачей
Иль толмачей
Командиры
Штолен и дробилен
И столпы
Рвачей и толкачей.
Да к тому же — западные страны...
Шейки... Брейки... Вопли естества...
Вот они и выросли, Иваны,
Что не помнят, в сущности,
Родства.
Как на них, доверясь,
Положиться
В грянувшей беде
Или вражде,
Если их столицы —
За границей,
А земли священной
Нет нигде.
У меня растут
И сын, и дочка.
Потому я и пекусь
О том,
Чтобы стали им
Заглавной строчкой
Мать-Россия
И отцовский дом.

ЕДИНСТВО

Есть оно, такое убежденье, —
Не какой-нибудь
Похмельный стих:
Нас и впредь
Спасет от поражения
Единенье мертвых и живых.
Ведь всегда оправдывал надежды
Пушкин,
Что бывал
Родней отца:
Ты его прикроешь
От левежды, —
Он тебя спасет
От подлеца.
И не раз,
Врагам на страх и зависть,
В драку и атаку,
Как бойцы,
Наравне с живыми
Поднимались
Наши дорогие мертвецы.
В одиночку сладить нам — едва ли...
И не спас бы призрачный кумир.
Нас они
Вели и вдохновляли,
Мы же отвоевывали мир.
И за день весенний
И осенний
Нынче и вовек
В конце концов
Вновь пойдет
Загубленный Есенин,
Рипется
Задушенный Рубцов.
Так и будем жить,
Смыкая силы,
Презирая трусов и деляг;
А умрем —
Сумеem из могилы
За друзей своих
Поднять кулак!

Обращение на «Вы»

I

Я Вас давно люблю, Россия,
Об этом вслух не говоря:
Опа меня всегда бесила,
Моя ущербность словаря.
Как объяснишь наплывы страсти,
С какими,
Презирая суд,
Фанатики,
Как на причастье,
На преступление идут.
И, обезумев,
Нелюдимы,
Ни жестом не переча ей,
К порогу женщины любимой
Приносят в жертву
Матерей.
Нет-нет, сынам

любовь приеуща

С прозрачной слаженностью чувств,
Без поднимающих
И гнущих
Противоречий
И безумств.
А я смотрю на Вас, Россия.—
И вижу только Вас одну —
Как предок, лапотный и сирый,
Ту неприступную вляжну.
Не подходя к черте запретной,
Он прячет чувство, одержим,
И упивается своим.
Не помышляя об ответном,
Неразговорчив и печален,
Лицом пригож,
А неженат,
Он ходит, сгорбившись,
Ночами
У белокаменных палат.
И если он пустые бредни
Не смог впервые удержать —

Не прикажите из передней
Его за это
В шею гнать.

И

Таким зело мудренным слогом
Я выражал свой юный пыл,
Когда с Россией,
Словцо с богом,
Баском нетвердым
Говорил.
(Не потому, что мудрым был.)
Поначитавшись всяких книжек,
Я распалил себя до слез.
Нет-нет, она не стала ниже,
Наверно, я чуток подрос.
Иначе вижу и толкую,
Отсею пользу от вреда,
И мать
На женщину любую
Не променяю никогда.
Ну что ж! Изрядней стали силы,
Определеннее черты,
И в обращении с Россией
Я перешел давле
На «ты».
Как с речкой детства небогатой,
Где я плескался, оголец.
Как с милой матерью когда-то,
Как с добрым другом, наконец.
Не верю моде и капризу,
Молюсь на те же образа
И не заглядываю снизу,
Коль надлежит глядеть в глаза.
У нас одни и те же дали,
И жар, и сдержанность в крови.
А доля дерзости едва ли
Помеха истинной любви...
И разговор наш будет длиться
Дотопле, надо полагать,
Покуда сердце
Сможет биться,
И реки течь,
И Русь стоять.

* * *

Вот опять намудрил,
Надурил,
Напридумывал,
Накуролесил...
И стою
У каких-то перил,
По-над рельсами
Голову свесив.
«Ну, хорош!
От тоски не промрешь!» —
Только все это старая тема...
Как она неотлажена все ж,
Кровеносная наша система,
Не даю ей чрезмерную власть.
Ведь струится-то в нас не водица.
С ней, такую,
Недолго пропасть.
И боюсь я,
Что может случиться:
Где-то в самом аду бытия
За случайно-беспутную встречу
Оброню
Свою голову я
И, как русский мужик,
Не замечу.
Мне трястись из-за каждого дня
Ни желания нет,
Ни охоты.
Только Родина ждет от меня
Мудрой жизни
И зрелой работы.

Пошла такая жизнь...
Не хочешь —
Улыбнешься.
Тут, Вася,
Не чешись,
И, Петя,
Не тревожься.
Летают поезда,
И посятся машины.
Но падает вода
На ржавые турбины.
Вертится колесо,
Вращается планета.
Все изменилось,
Все,
Но я-то
Не про это.
А заново
Про то,
Что просится наружу:
Легко сменить
Мапто,
Куда труднее —
Душу.
Продумано меню,
А эту тянет
К стойке,
Хоть по сто раз
На дню
Тверди
О перестройке.
Таковское житье
Оправдано едва ли.
Но больно мы ее
Долгонько
Похмеляли.
И налицо —
Застой.
Последний, может статься...
Но с этой «запятой»
Приходится
Считаться.

Отстояли

Сияет над Вологдой крест золотой,
И светятся стены Софийского храма,
И мало святыню
Назвать красотой,
Хоть в этом и нету
Обиды и срама.
Но я по-особому
Счастлив и горд,
Ступая под своды
Намеренно рано,
Где слышится грохот
Петровых ботфорт,
И дыбится глас
Самого Иоанна.
А было кому-то угодно вчера,
Чтоб все это сгнуло,
Кануло,
Стерлось,
И сердце бы знало
И пело с утра
Лишь новое счастье
И новую гордость.
Но сердце мужей — инструмент не простой,
И воля —
Отнюдь не безвольная дама.
...Сияет над Вологдой
Крест золотой,
И светятся стены
Софийского храма!

* * *

Нас упорно держат в черном теле,
Мыслью озаботившись простой,
Чтобы мы
Высоко не взлетели
И —
Не захлебнулись высотой.
Словно бы,
Каленым на морозе,
Осознавшим силу и права,
Не погрязшим
В тине и навозе
Может быть опасна
Синева.
Вот уже и зубы потемнели,
Вот уже и кудри развились...
Если сроду
Держат в черном теле —
Где там белой кости
Завестись.
Мы давно не рыщем и не рощем,
А блюдем
Сознательность и честь.
Это ведь разумнее и проще:
Благодарным быть тому,
Что есть.
Небу и воде,
Земле и богу...
Только не случайно страх возник:
Кажется, еще совсем немного —
И отсохнут
Память
И язык.

Июнь 1981 г.

* * *

Подвергай все сомнению...

К. Маркс

Куда опять носило нас —
Отца и мать,
И дочь и сына?
То Украина,
То Кавказ,
То Крым,
То снова Украина.
Едва ли только интерес
К досель неведомым пределам.
Скорее,
В нас вселился
Бес
И правит
Кровью угорелой;
Он словно ходит по пятам,
Внедряет ересь и волнепье,
Всегда выпыривая там,
Где ставят святость
Под сомнение.
А усомнились мы
Во всем,
Как в бытность — основоположник.
И вознесем,
И разнесем,
Все на издержки отнесем —
Бог не указ
И не помощник.
Но что-то муторно уже,
Когда без проблеску и меры
Одни сомнения в душе
И никакой почти что веры.

Бойцы

Не берегут...
Не бережем...
Не бережемся...
Еще один, подкошенный, упал.
Так ярко над бойцом
Посмертный свет зажегся,
Что виден
И грядущий пьедестал.

А дула целят в нас,
Хоть бьют пока что мимо.
Не стал бы крайним
Новый день в судьбе.

Их столько,
Жгучих дум
О Родине любимой,
Что некогда
Подумать о себе...

Больная

Болезнь зашла настолько далеко,
Что выперли
И ветхость,
И сутулость...
Дыхнула
На парное молоко —
И на глазах у всех
Оно свернулось.

А ведь давно ль
Гляделась молодцом,
Давала юным
Резвости уроки,
Сияла
Напомаженным лицом
И хлестче всех
Отплясывала «роки».

И вот —
Ни ярких глаз,
Ни круглых плеч,
Видней
Доселе скрытые
Химеры...
И если заводить
О жизни речь —
То годны
Только экстренные
Меры!

«Враги»

Подумаешь только о муках,
Что приняли наши отцы...
О них,
Преуспевших в науках,
О них,
Возводивших дворцы.
В единой стоящих шеренге,
Оболганных этак и так,
В итоге
Поставленных к стенке
С простой резолюцией:
«Враг!»
Представишь,
Как стыли в бараках
Их жены,
Детишки,
Друзья,
Где можно
Ослепнуть от мрака,
Но плакать и выкать —
Нельзя.
Так сколько же было в них жажды,
Сметающей начисто
Ложь,
Чтоб все это
Вынести однажды
И не разувериться все ж;
Пройти под свинцом надругательств
В отеках, слезах и крови...
Каких же еще доказательств
Сверх этого
Нужно любви?

* * *

«Будь готов ко всяким временам
И не расслабляйся
Прежде времени!» —
Это говорил
Полковник нам —
Как стучал костяшками
По темени.
Много было
Градов и дождей,
Измывательств
Над землей и лирою.
Много
По стране прошло
Вождей.
Лично я
Восьмого конспектирую...
Понимаю
Боль его души:
Поле незавидное
Завещано.
Столько было
На уши
Лапши
Козликам доверчивым
Навешано.
Доверяю —
Но не всем! —
Словам
(Очень уж тревожит
Их нашествие)
И готов
Ко всяким временам
И — конечно же! —
К противодействию.

* * *

Отневаю родимую маму,
Хоть она еще пробует петь...
Вижу
Узкую
Черную яму,
Слышу
Мерную
Тяжкую медь.
Подлый страх
И бессильная жалость,
Пронимающий холод
И мрак —
Все сцепилось,
Сплелось
И смешалось
В этом слове съедающем —
Рак.
Хоть вставай перед ним
На колени,
Хоть пластайся,
Хоть криком кричи.
Никаких
Ни надежд,
Ни сомнений
Не оставили больше
Врачи.
Нет просвета
Ни слева,
Ни справа.
И на завтра
Осталось опять
Лишь одно
Безутешное право:
Ждать и верить...
Да, верить и ждать.
Шутим, крутим...
То ух, ты!
То ах, ты!
Сам себе
Покажусь подлецом,
Отстояв
Непосильную вахту

С беззаботным —
насилъно! —
лицом.

Ухожу...
Ни надрыва,
Ни срыва.
Как на плаху,
Валюсь на кровать.
Попимая:
Светло и счастливо
Мне
Уже
Никогда не жить.

* * *

Напрасно я ищу душе успокоенья
Среди густых лесов,
Среди озерных вод.
Безрадостная мысль,
Лишенная сомненья:
Теперь оно уже
До смерти
Не придет.

Зато навек мои
Всплывающие луны,
Рождение росы,
И птицы всплеск ночной,
И тайный вздох сосны,
И листьев лепет юный,
И, наконец, мои —
Все звезды до одной.

Зато среди гульбы
И чьей-то речи звонкой,
Средь благостных рулад
И праздничного дня
Молчанье старика
И тихий плач ребенка,—
Как прежде,
Никогда
Не обойдут меня...

* * *

Что видел я в этой жизни,
Прожив почти пятьдесят...
Плакаты
По всей Отчизне
На каждом углу
Висят.
«Догоним» да «перегоним»,
А «счастье только
В борьбе...».

И отставать от погони
Неловко уже тебе.
Бежим,
Догоняем гадов,
В сердцах
Поминаем мать.
«А может,— кричим,— не падо
Хотя бы
Перегонять?
На нас они,
Сушостаты,
С оглядкой
Смотреть должны,
А то на штанах
Заплаты
Отставшим
Будут видны...»

А нам ведь еще
Бороться —
Хоть не хощь,
А придется —
За уголь
И за металл,
За мясо,
За кукурузу.
Да чтоб по всему Союзу
Росла,
Как Генсек сказал.

Такая у нас
Планида.

Иной и быть не могло.
Подсохла, кажись,
Обида,
Да что-то в душе
Голо.
И просто замучит
Совесьть,
Если не завершить:
Всю жизнь мы
Только боролись
Вместо того,
Чтоб — жить.

* * *

Ой, как ветрено в нынешнем мире.
Это — ветер не здешних
Широт.
Словно в поле,
Гуляет в квартире,
Рвет обои
И форточки бьет.
Обмирают
Несмелые души,
Норовят схорониться
В тиши:
Все, что криво поставлено, —
Рушит,
Все, что хило и гнило, —
Крушит.
Раскрутил,
Перетряс
Всю Россию,
Разметал
Азиатскую тьму.
Только ветру
Такое под силу,
И позволено
Только ему.
Не жалею
Разбитых посуды,
Всевозможной сметенной лужи.
Ничего...
Лишний пыл поостудит
И попутно
Проветрит мозги.

Опустошение

К концу пришли твои дела.
Безмолвствуешь в бессильи,
Как церковь,

чьи колокола

На пушки перелили.
Чтоб умник, глянув из окна,
Прогыкал, сделал милость:
Мол, наконец-то старина
Для дела пригодилась.
А ей бы легче — наповал,
Чем знать,

что в белом свете

Металл,
Который к жизни звал,
Отныне дышит
Смертью.
Но почему тогда дала
Кощунству совершиться
И не смогла —

по купола —

Под землю провалиться.
Чтоб прихожане по утрам
Пред вербною неделей
Не с жалостью

на вещей храм,

Но с гордостью
Глядели.
А под землею б скрытый гром
Мешал забыть о прошлом
И сотрясал бы каждый дом,
И прожигал подошвы.
...Но там, где раньше бил пабат,
Теперь — глупы и жалки —
По гулким звонницам хрипят
Твое бесславье
Галки.

* * *

Дождь ли поздний струится на крышу,
Свет ли ранний
Забрезжит в ответ,—
Похоронную музыку
Слышу,
Но не знаю,
По мне
Или нет.
Впрочем, что замирать
Среди комнат,
Это ж понято было
В судьбе:
Если колокол
Стонет по ком-то —
Он, конечно, звонит
По тебе.
Только людям,
Усталым и грешным,
Милосердия
Ведом закон.
Никакой не оставит
Надежды
Беспопадная ступа
Времен.
Все она истолчет
И размелет,
Превратит в бесполезность
И прах.
Лишь в сознание внедрить
Не сумеет —
Никогда! —
Унизительный страх.
Я скажу и жене,
И Отчизне,
Отплывая в свое
Забвенье:
«Не боявшимся жизни
При жизни,
Что бояться нам
После нее?»

* * *

Тихо на улице, тихо в дому.
Все погрузилось
В прохладную тьму.

Выйду в рубашке одной
На крыльцо —
Мягкой прохладой
Овеет лицо.

В горнице — благодать,
В душе — благодать.
Кажется, нечего
Больше желать.

Только онять
Над моей головой
Полночь
Звезды не зажгла
Ни одной.

Только и справа,
И слева онять
На три версты
Огонька не видать.

Только,
Пошире глаза растворив,
Видишь, что вместо ступенек —
Обрыв.

Все ж остальное —
На «нять» и на «ять»!
Просто немислимо лучше желать...

У памятника

Бетон, гранит, и свежие цветы,
И со значеньем выбранное место...
И, погрузив,
Порадуешься ты.
И выдохнешь невольно:
«Наконец-то!»

Но мысль простая явится опять
И тяжело упрется в наши лица:
Вы научились
Мертвых уважать,
Живых беречь
Еще бы научиться...

* * *

Собираются тучи вокруг,
И раскаты недалгие грохают.
Ты почуял, наверное, друг,
Что запахло опять
Катастрофою?
Столько стало
Горячих голов...
Да и слова пустого,
Но пышного.
Не бояться
Народных судов,
Так, скажи,
Побоятся ли — высшего?..

* * *

Пока не преданы забвению
Заветы дедов и отцов,
Давай поймем, в конце концов,
Свое на свете
Назначенье.
Не покривим
Ни перед богом,
Ни перед совестью своей:
Мы до последних самых дней
Об этом думали
Не много.
Все жили как-то несерьезно,
Меняли службы,
Города,
Не вслушиваясь иногда,
Как время
Двигается грозно.
Нет, мы отнюдь не симулянты,
И все приходим
К одному:
Мы призваны
Служить ему.
А не прислуживать...

К чему
Нам попадать в официанты,
Презрев лакейские повадки
И, ради высшего всего,
Не перекормим же его
Коварнейшим продуктом —
Сладким.
Пока что мы
В поре и силе,
Так вспомним снова, храбрецы,
Как наши деды и отцы
Когда-то
Истине служили...

Февраль 80 г.

Затворник

...А кто-то перышком скоблит
В тиши
Своих монашских
Башен.
И никакой, конечно, «Лит»
Ему неведом
И нестрашен.
Лишь истина — его оплот,
Какой бы ни была крамольной.
А гонораров
Он не ждет:
Ему и пенсии
Довольно.
Он слышит
Только вышний глас,
Лишь о своем печется стиле,
И не надеется
На нас:
Мы слишком часто
Подводили...
Его ж твореньям
Нет преград,
Поскольку он
Своим упорством
И сердцем
Ищет не наград,
Но —
Благодарности потомства.

Самосожженец

...И жил он, и мыслил не просто,
Природный
Растрчивал пыл.
А прожил бы лет
Девяносто,
Когда б поумеренней
Жил.
Не ради бравады,
Тирады
В крутые впадал виражи,
А все ради чести
И правды,
И все против лести
И лжи.
Курил и терзался
Безбожно,
Срывался с режимов,
Диет,
И умер,
Как будто нарочно,
Во цвете,
Во празднике лет.
В сознательном словно запале
Сжигал свою душу, скорбя,
Чтоб следом идущие
Знали,
На что
Обрекают себя.

Поиск

В самый бурный и ветреный день
Помолчу у родного порога
И скользну за него, словно тень,
И отправлюсь
На поиски
Бога.
Ведь, помимо отмен-перемен,
Подтвердили минувшие годы:
Что предложено было взамен,
Оказалось в итоге
Негодным.
Пусть и в этом аду и чаду,
Где березы потухли, как свечи,
Я сегодня
Его не найду,
Так хоть душу живую
Облегчу.
Прикоснусь к монастырской стене,
Постою у церквушки закрытой...
Не хочу,
Чтоб звучало во мне
Лишь оно,—
С отрубями,—
Корыто.
Молча
Разоблачусь догола,
Чтобы в сердце,
Как в рыхлое поле,
Вновь
С озерной водою
Вошла
Животворная
Тайная воля.
Покиваю незрячей сове,
Упаду на зеленые травы —
И услышу, как шум в голове,
Грозный гул
Замурованной славы.
А обратно идя через лес,
Вдруг почувствую зябкой спиною,
Как следит оно,
Око небес,

Из-за каждой коряги
За мною.
И, боясь прогневить тишину,
Пригрожу одичалой вороне
И у братской могилы
Всплакну —
Он во многих
И тут захоронен.
Постою, погрущу...
Лишь затем,
Голоднехонек, будто собака,
Возвращусь
Как бы вроде ни с чем,
Но не злой
И не сирый,
Однако.
У окошка присяду в тиши,
Подпирая спиной батарею,
Покопаюсь
В глубинах души —
И печаянно будто
Прозрею:
Он,
Гонимый средь ночи и дня,
Что от многих давно отступился,
Оттого и тревожит меня,
Что с рожденья
Во мне находился.

* * *

Замело листопадом округу,
Затянуло холстом
Небеса.
Побрели
По осеннему кругу
В драгоценных обносках
Леса.
Засаднило внутри,
Защемило,
Словно крайний пришел юбилей.
То, что дорого было
И мило,
Стало ближе еще
И милей.
Эти в жилках и ребрышках
Чащи,
Эти пожни
В лоскутьях парчи.
Воздух, кажется,
Сделался слаще,
Хоть, по правде,
Изрядно горчил.
Все по новому двинулось руслу.
Покаяньем дыша тяжело,
Вновь припало
К глубинному чувству
И к высокому смыслу
Взошло.
Потому,
Избавляясь от сору,
Набираясь по капельке сил,
Эту горькую
Позднюю пору
Полюбил я
И благословил.

Речка

Сколько раз ее перекрывали,
Захламляли всякой ерундой,
Отравляли,
Рвали,
Запрещали
Пользоваться рыбой
И водой...
Кто над нею не глумился только?
Неуч,
Рвач,
Придурок
Или тать —
Все, кому — по совести и долгу —
Головы бы мало оторвать.
Где она брала, бедняга, силы,
Чтобы сохранить и течь,
И речь,
Чтоб сберечь
И животворность ила,
И своих рыбешек
Уберечь.
Верно, опоздали бы решенья —
Худо у заступников житье.
Лишь способность
К самоочищению
Сберегла от гибели ее.
Затаилась в сумерках подзола,
Собралась,
Рванулась,
Напряглась —
И навоз,
И нефть перемолола,
Выхаркнула всяческую
Мразь.
Вновь волна искрит под небесами.
Удивишься,
Ахнешь: «Что за черт!»
По законам,
Писанным не нами,
Видно, жизнь разумная
Течет.
На себе проверил не однажды,

Натерпевшись всякого в пути:
Лишь всепоглощающая жажда
К очищению может привести.
Реки лжи,
Потоки суесловья,
Празднословья
Целые моря
Выпить
Без ущерба для здоровья
Невозможно,
Честно говоря.
Что нас ждет?
Какие угощенья?
Все вполне съедобно может быть...
Но способность к самоочищению
Не терять...
Развить и сохранить!

* * *

Не первый раз я попадаю в шторм,
Где вдоволь
И дреколья, и раздолья,
И никаких
Параграфов и норм —
Сплошная страсть
И бешеная воля.

Летит волна
На оглушенный пирс,
Вторая бьет
Немедленно
С разгона.
Панический
Сквозь грохот
Слышен писк
Стойчески стоящего
Бетона.

Гуляет шторм,
Справляет торжество,
Всем по душе
Его неукротимость,
Горячность
И несдержанность его...

Уж больно отошнела
Нормативность...

На берегу

Когда разыграется буря,
Поставив волну на ребро,—
Сюда прихромает фигура
И, глазки нетрезво прищуря,
Восторженно крикнет:
«Добро!»

А море подыметя яро
И, правя свое торжество,
Обрушит на берег удары,
И малых разгонит,
И старых —
И только не тронет его,

Забытого всеми навеки,
Пробитого трижды войной,
Побритого даже калеки
(Наверно, с того, что в аптеке
Всегда покупает «Тройной...»).

Он снимет фасонную шляпу,
Потрет поседелый висок
И скажет:
«А все-таки, папа,
Болят перебитая лапа»,—
И сядет на влажный песок.

И выдохнет медленно море,
Ломая прибрежный гранит:
«Хорошего мало, не спорю.
Да лапа одна бы — полгоря.
Душа вот, я чую, болят...

И знаю, что в этом повинны
Соленые волны мои:
И рифы коварны,
И мины;
Повинны и льды, и глубины,
Что ты — без друзей и семьи...»

Но разве седого матроса
Достойно жалеть, как мальчика?

Он смотрит вдоль берега косо,
Сердито дымит папирсой
И слезы сбивает с лица.

Потом, желваками играя,
Врубает засевшую мысль:
«Мы с детства томимся не раем,
Мы сами тебя выбираем.
И ты из-за нас
Не казись».

Не прячься, вздыхая, в тумане.
Я словно себя узнаю,
Когда ты,
Забывшись, как в пьяни,
Вовсю начинаешь буяннить,
Тоску замывая свою».

И длится беседа такая —
Порою —
Часами подряд.
Услышит их разве что камень.
Но он никогда не вникает,
О чем они там говорят.

Лишь тучи темнеют сурово.
И море, конечно, не зря
На берег
Без лишнего слова
Тихонечко выкатит снова
Тяжелый кусок янтаря.

* * *

А море не надоедает,
Как ты его ни поноси.
Вдали —
Размытой дымкой тает,
Шипит и пенится —
Вблизи.
То поднимает воду круто,
То стелет ровным полотном.
Оно —
Лазоревое утром
И малахитовое —
Днем.
То с ним резвись, забыв печали,
То в рог несчастья труби...
Над ним высоко реют чайки
И рыбы мечутся
В глуби.
В его соли —
И желчь, и сладость.
Опять оно, гремя в гранит,
Вселяет в нашу душу
Радость,
А скорбь
В пучине хоронит.
Ты не пеняй ему напрасно
За то, что вносит непокой:
Оно всегда
Разнообразно
В отличие
От нас с тобой...

* * *

Дальний шум поездов,
Поздний гул поездов,
Он проходит то верхом,
То низом.
И, конечно, опять
До конца не понять,
Почему он так раящ
И близок.

Исподволь наплывет —
Сердце чутко замрет,
Так замрет,
Словно рухнет с откоса.
Потому, что вся жизнь —
Лишь покрепче держись! —
Пролетела у нас
На колесах.

Нас мотали
Туда
И сюда
Поезда,
Мы познали
Соблазн километра.
Нас громила гроза,
И слезились глаза
От песчаного
Встречного ветра.

И с тех пор
До сих пор
Так и тянет простор,
И в глазах —
Одичалые кони.
Вновь мелькают столбы —
Это ветер судьбы
Все нас гонит куда-то
И гонит.

И не верится вновь,
Что не вздыблена кровь,
Что не надобно мчать, в самом деле.

И — хорош или плох,
Но срывается вздох:
Неужель
Наконец-то
Осели?..

И теперь — не во снах, —
А горчит на губах
Вкус походного чая и соли.
Поздний шум поездов
Из далеких годов —
Это шум нашей славы
И боли.

Плач по деревне

Деревня ты, деревня, древесные коренья,
Залатанные крыши
Да сгнившие углы...
Тебе всегда хватало
Терпенья да смиренья,
И скрытой,
И открытой
Хулы и кабалы.
Всю жизнь тебя тягали,
Как дойную корову,
Дрекольем закаляли
И спину, и бока,
Толкли в пустое пойло
Солому да полову,
Но требовали все же
Погуще молока.
Всю жизнь тебя считали
Чадящей головешкой,
Скупой да бестолковой,
Отставшей за века.
И даже пролетарский писатель
Горький-Пешков
Тебя поставил ниже
Бродяги-босяка.
Но — странно — почему же
Настраивали Лиру
Среди зугов и пашен,
Где речка и трава,
Что именно деревня
И подарила миру
Есенина, Кольцова
И Ломоносова.
Что именно деревня
Вылечивала души,
Оберегала совесть
И сберегала честь,
Преданья,
Как хоромы,
Не позволяла рушить
И верила по-детски
Во всеблагую весть.
Всегда тебя, деревня,

Доверчивость губила.
Ты в душу запускала,
Как в избу —
Без рубля.
И вот, где были избы,
Теперь торчат уныло
Черемухи в крапиве,
В крапиве тополя.
Но сердце протестует,
И разум не мирится,
Чтобы любовь и память
Сравнил с землей
Прогресс;
Россия без деревни —
Без оперенья птица,
Без голоса,
Без крыльев,
Без воли и небес.
Восстань, восстань, родная,
Из пепла и забвенья,
Поправь свои крылечки,
Глаза протри скорей.
И уведи из чада
И самосокрушенья
Запутавшихся дочек
И блудных сыновей.
Раздуй над ними ярче
Зареченские звезды,
Отвори от пьянства
И суть вдохни в рубли.
Ты вразуми заблудших,
Пока еще не поздно.
Пока еще не поздно...
А вот не поздно ли?..

* * *

Мы выгядим, как выгядеть должны
На верность слову
Давшие присягу.
Пусть нервы
Безнадежно сожжены
На тех кострах,
Что видимы
Не всяку...

Мы не были чужды
Пустых утех.
Но если признаваться в самом деле,
То в этой жизни
Мы не хуже всех
Действительно горели,
А не тлели.

* * *

Не всех дурней
И не смешнее всех...
Так почему ж,
Лишь страсти разойдутся
И полетят в лицо
И грязь, и смех —
Нет ни ума,
Ни силы
Отвернуться?

Уже пора бы вроде повзрослеть.
Но наша кровь
Составлена не нами.
Таким я встречу, видимо, и смерть.
Тем более
Она не за горами.

Долги

Не смог отдать последний долг.
Теперь
Среди ночного часа
Стучит в мозгу:
Не смог!
Не смог!
А может, просто
Не старался?
Волынил,
Мялся,
Делал вид,
Тянул,
Вздыхал,
Искал причины.
И самый ушлый индивид
Не разглядел
Моей личины.
Но я-то, скрытник,
Я-то сам
Один
И знал и верил крепко,
Что долг последний
Не отдам.
Любой воспользуюсь зацепкой.
И не какой-нибудь дракон,
И злобства пету и в помине —
Но, право слово,
Должником
Себя не чувствую
И ныне.

* * *

Так устал от многолюдства.
Чьи-то спины застыт свет.
Там и тут снуют,
Толкуются,
Гомонят,
Во все суются —
Никакого спасу нет.
Ладно б хоть родные лица.
Сносно б хоть прямая речь.
А у этих все лоснится,
Примеряется,
Стремится
Только с нужным
Сесть и лечь.
Мне-то
Это
До буфета,
Пьешь ты воду
Иль бальзам,
Чья меж зубьев сигарета,
И с какого факультета
У тебя знакомый зам.
Мне другое нынче важно:
Что же я-то здесь торчу?
Неужели так безбразно
И уйду себе вальяжно —
Не взорвусь многоэтажно,
Ни скулы не сворочу...

* * *

Не живется людям по-хорошему,
Каждый день
Какой-нибудь завал:
Этот
Отвозил жену калошею,
Тот
Соседа
К праотцам послал...

И не знает солнышко кипучее,
Сеющее в мире благодать,
Как опять
До вечера домучиться
И куда
Глаза свои девать.

Не живут,
А словно жизнью давятся,
Всё толкут —
От красок до красот.
Будто после этой,
Неудавшейся,
Кто-то им другую
Поднесет...

Дите...

Был задуман не шутя...
Но — скажи на милость —
Непутевое дитя
Само уродилось.
И не верится никак,
Что на самом деле
Обучалось жечь табак
Чуть не с колыбели.
Водку пить,
Вино хлестать,
Поносить основы,
Прибавляя слово «мать»
К слову
И не к слову.
Оттого ль, что вечно пьян, —
Стало почему-то
Государственный карман
С собственными
Путать.
От него ушла жена,
Мать свихнулась
Вроде...
Даже местная шпана
Стороной обходит.
Но дитятя
Все наглеи
Песни распевает.
Видно, участи своей
Недопонимает.
Меркнет свет,
И воет тьма —
Это за лесами
Плачет
По нему
Тюрьма
Горькими слезами...

Мегера

Человек выматывает нервы.
Но не у себя, а у других.
Высшим наслаждением
Для стервы
Стало
У соседей
Гробить их.
Как она ведет сеансы эти...
Изучайте опыт, простаки!
От нее уже рыдают
Дети,
Стонут,
Задыхаясь,
Старики.
Словно через сердце,
Через жилы
Жесткую продергивает нить.
Как умерить
Дьявольские силы?
Образумить
Или приструнить?
Припасет она слова позлее,
Рассчитает все наверняка:
Женщину простят
И пожалеют,
Всю вину
Свалив на мужика.
Неспроста
В глазах ее недобрых,
В гибкой стойке, в талии самой
Что-то
От прицелившейся кобры,
От змеиной
Ярости немой.
И, усилием сдерживая нервы,
Неспроста и я
В своем углу
Называю стерву
Только стервой —
Женщиною
Просто не могу.

* * *

Не для людей воздвигнут город
Под этим небом
Ледяным,
И потому
Тяжелый морок
Висит с рождения
Над ним.
А там, внизу,— объект для шуток —
Болото,
Сонное на вид.
Как чей-то порченный
Желудок,
И пузырится,
И пыхтит.
Под утро выдохнет
Отходы —
И не видать весь день
Ни зги.
И плесневеют стены,
Своды,
А следом —
Лица и мозги.
На этажах бурлит
Работа,
В подвалах квасится
Еда,
И ощущение болота
Не покидает
Никогда.
И неспроста
В сыром угаре
Порою кажется:
Вот-вот
Нас этот орган
Переварит
И с облегчением
Вдохнет.

* * *

В машине лопнула пружина,
И я уткнулся
В райский сад.
И подошел ко мне
Мужчина —
Усат, носат и волосат.
«Ты почему,— сказал,— заехал
На территорию мою?»
Мне было
Вовсе не до смеха,
Поскольку почь
Была в раю.
Я улыбался,
Лез из кожи,
В ладони
Трешницу зажав.
Но что-то в нас
Сквозило все же
От двух
Враждующих держав.
Скрипели
Ржавые ворота,
Лицо синело
При луне,
И пересвистывался кто-то
В неосвященной стороне.
По коже
Бегали мурашки,
И, выждав паузу,
В свой срок
От замусоленной бумажки
Он мне отделаться помог.
И сразу стало
Слов не нужно,
И мир
Был восстановлен
Вновь.
Мы даже
Выпили за дружбу
И повторили
За любовь.

* * *

Разыгрались волны не на шутку,
И закат — как пламенный плакат.
А мою
Расхристанную шляпку
Тащит
На ревуший перекат.
Словно пиво
Свежего разлива,
Пенится вода;
Ревет ревмя.
Я не то чтоб парень из трусливых, —
Только нервы
Есть и у меня.
Впереди
Обносков чьих-то ключья.
Да обломков свеженьких
Щепьё,
Да валун,
Что поджидает молча
Утлое суденышко мое.
Подтянись, душа,
Детеныш солнца.
Распускаться —
Ни за что не сметь!
Если жить достойно
Не придется,
То принять достойно надо
Смерть.
Нам с тобой не стыдно оглянуться,
Всматриваясь пристально,
Назад.
И напрасно лег,
Как нож на блюде,
На дороге нашей
Перекат...

* * *

Все еще на разум уповаю,
Все еще надеждами горю.
Но, с другими двигаясь по краю,
Сам себе
Все чаще
Говорю:

«Не пекись
О суетном и зряшном,
И, сверяя с временем шаги,
Будь всегда
Открытым и бесстрашным...
Голову, однако,
Береги.

Не бойсь
Ни хвори,
Ни могилы
И, чертя над пропастью круги,
Не жалей
Ни времени,
Ни силы...
Голову, однако,
Береги.

В грянувшем бою,
В глухой осаде,
Как ни наседали бы враги,
Все снеси!
Но будущего ради
Голову
В порядке сбереги.

Только провокаторов не слушай;
Мол, не стоит «кумпол» ни гроша...
Голова
Поддерживает душу,
Потому и держится
Душа».

* * *

Октябрьский ветер над шоссе
Пронесся,
Воя меж листьями.—
И под березой
Лужи
Все
Опять
Оранжевыми стали.

Листу,
Как крылышку Руси,
Не перестану удивляться:
Валяться
Целый день
В грязи —
И все-таки
Не замараться!

* * *

«В хороших винах нет осадка»,—
Внушал мой друг и первый гость.
Тогда слова звучали сладко,
Вино лилось,
И нам пилося.

Жизнь
Удовольствий и загадок
Все меньше
Оставляет мне.
Теперь я чувствую осадок
В любых беседах
И вине.

Но вновь твержу
Светло и сладко
На самом, может быть,
Краю:
«В хороших винах
Нет осадка».
Хотя давно уж
Так не пью...

Прости, любимая, прости,
Что часто выгляжу отпетым;
На столь недлительном пути
Разумней наслаждаться светом.
Но помню и:
В какой-то миг,
Благословив родную местность,
Душа издаст
Прощальный крик
И унесется
В неизвестность.
А ты останешься одна
В недоуменье
И незнание,
За что
Такое наказание,
И где,
И в чем твоя вина?
А я в последний раз
Взгляну
И содрогнусь
Противу правил:
Да как же я
Ее
Одну
Впервые —
И навек —
Оставил?
Но даже силою любви,
В слезах зовя меня оттуда
Ты в затихающей крови
Не возродишь, наверно,
Чуда.

Соплеменницы

Оставьте женщину в покое
И не мусольте имена.
Она не может быть,
Какою
Была
В былые времена.
Не та печаль,
Не та кручина,
Не та влюбленность
И тоска,
Не та овчина и лучина
И — жилка даже
У виска.
Какая стать и твердость взгляда!
И страх неведом,
И покой.
Она давно сама не рада,
Что стала
Именно такой.
Но век,
Гранитный слепок множа,
Отвергнув
Дымчатый овал,
Ковал
Подобие свое же,
Не спрашивал,
А диктовал.
И, с толку сбитое сознанье,
Затянутое в круговерть,
Пора — себе же в назиданье —
Не осудить,
Но пожалеть.
Зачем плодить излишек шума,
Пускать в азарте петуха?
Ведь этак
Мыслимо подумать,
Что судьи
Сами
Без греха...

Новостройки

(Шутка)

В поту трудовая держава,
Но дух созиданья высок.
Кирпич побросали
Направо,
Налево
Свалили песок.
Гудят
Оконечности тела,
Рубахи трещат
И штаны.
Но держимся —
Нечего делать:
Идет новостройка страны!
Усталые
Правимся к дому,
Нащупав во тьме
Колею.
Никто
Не свернет к гастроному,
Не выкажет
Слабость свою.
А дома
Опять стройплощадка,
И — после взаимных речей —
В семейное здание
Кладка
Побитых с утра
Кирпичей.
Пойди убеди-ка милашу,
Что слово прораба —
Закон...
Замешивать
Пшеничную кашу
Не легче порой,
Чем бетон.
И вот в надлежащие сроки —
Изделя
Горячей руки:
По стенам
Сползают потеки,
По полу

Гремят черепки.
Смешались
Десятины слезы,
И слезы ее,
И твои...

А коль подытожить
Без позы
Словами
Доходчивой прозы:
Идет новостройка
Семьи!

Семейная сценка

Притопали друзья,
Лепечут невпопад...

Но вечно
Только я
Во всем и виноват.
Жена,
Весь мир браня,
Уже готовит мечь
И смотрит на меня,
Как будто хочет
Съесть.
Не ешь меня, жена,
Я так тебя люблю,
Что дам тебе вина
И супом накормлю.
Глядит,
Но без огня.
О, женское чутье:
Не верит
Ни в меня,
Ни в счастье свое.
И снова — на тарак,
Не тратя время зря.
Грохочет барабан
Пустого словаря.
Гремит какой-то бак,
Трещит семейный быт,
И молнии
Во мрак
Летят
Из-под копыт.
Скорей в поход, вперед,
Туда, где есть народ.
Быть может, этот ход
Меня еще
Спасет.

Приехали...

У меня к тебе вопрос,
А вернее, просьба:
Ты не лей прощальных слез —
Разойдемся просто.
Посидим да поглядим
На себя построже...
Был я вроде молодым,
Ты — еще моложе.
У тебя была тоска,
У меня — мензурка,
Ты валяла дурака,
Я лепил придурка.
Ты ходила на концерт,
Я бродил на базу.
У тебя — один акцент,
У меня — два сразу.
Никаких ни бурь, ни гроз.
Не судьба —
Потеха.
Слишком мало было слез,
Слишком много смеха.
Только мне давным-давно,
Как из гипса тигры,
Разлюбились
И вино,
И кино,
И домино,
И другие игры.
Испекли мы пироги,
Пóнили водицы —
Не друзья
И не враги:
Просто сослуживцы.
Никого я не корю
И не мучу, кстати.
Просто
Тихо говорю:
Подурили —
Хватит.
Все расставят по местам
Век
И возраст грозный.

Я давно серьезным стал.
Будь и ты
Серьезней.
Ну а как гореть, любя,
Не дрожать под тучей —
Жизнь научит
И тебя.
Я уже —
Научен.

Малина

Говаривала с чувством Катерина,
Соседскую оглядывая дочь:
«Снабдил Господь...
Не девка,
А малина!
Да наши дурни —
Всё обóчь,
Обóчь...»
Отнекивались парни
И с досадой
Оборонялись выпадом таким:
«А может,
Нам малины и не надо,
А может,
Мы смородины хотим!»
Но сами все косили глаз,
Косили
Туда,
Где, озаряя небеса,
На фоне
Разгорающейся сини
Светилась
Древнерусская коса,
Коленки загорелые
Мелькали,
При каждом шаге
Вздрагивала грудь...
Во все века
Подобные детали
Мужчинам
Загораживали путь.
И суть понять мешали — вот проклятье.
Да что там суть!
В любые времена
Она ведь
Не застывшее понятие,
И без деталей
Тоже не полна.
Покамест «то да се»,
Да «трали-вали»,
Болтали
Да мели туда-сюда...

А кто-то оценил, видать,
Детали
И умыкнул малину
В города.
Случись бы это раньше —
Сразу драка.
Теперь —
Борьба за качественный труд.

...А парни
Доманежатся, однако,
Что скоро и смородину
Упрут.

* * *

В. Б. Соколову

Снова забурлили учрежденья:
Спорь,
Не соглашайся,
Прекословь!
Ох, уж эта тяга
К обсужденьям
Да к родной словесности
Любовь.

Словно собрались
На именины
И толкут
По два,
По три часа.
Высосаны досуха
Графины,
Сорваны в запале
Голоса.

За окном
Бездействуют моторы,
Вхолостую
Крутится пила...

Тратятся века
На разговоры,
Что же остается
На дела?..

Отмщение

Не я командую погодой,
Но если было бы дано —
За измывание над природой
Я б круглый год
Хлестал в окно
Холодным ветром,
Жесткой вьюгой...
Таких нагнал бы
Бурь и стуж,
Чтоб вой
Понесся над округой,
Нечеловеческий
К тому ж.
Преодолею бы
Стыд и жалость,
Поскольку
Вправду — черт возьми! —
Им, бедным,
Вовсе не осталось
Уже и места
Меж людьми.
Забросил дактили б
И ямбы,
Чинил бы козни,
Как злодей,
Но всеми способами
Я бы
С людьми
Боролся за людей.
И все грехи,
И все изъязы
На совесть взял бы заодно,
Но до мозгов их деревянных
Я б достучался
Все равно...

* * *

Ты погляди вокруг, мой друг,
В каком движении
Планеты...
Я от тебя отстал,
Как звук —
От уносящейся
Ракеты.
Ты так летишь,
Свистя,
Трубя
И не пугаясь
Впасть в ошибку,
Что встречным воздухом
С тебя,
Того гляди,
Сорвет обшивку.
Стремись, мой друг,
Презрев недуг
Тяжеловеса
И ленивца...
А мне всегда
Мешал испуг
В исходный круг
Не возвратиться.
А мне всегда
Мешала мысль
И угнетенное сознание,
Что, как бы я
Ни рвался ввысь, —
Мне чужды
Дебри мирозданья.
Я этой маленькой земли
Боюсь
По глупости лишиться,
Где ползал
В солнечной пыли,
По теплым
Шлепал половицам.
Косил
Прогретую траву,
Листву пронизанную
Слушал,

Таскал из омута
Плотву,
Меды вкушал
И яды кушал.
И для души
Не надо мне
Великолепнее картины,
Чем эта
Зоренька в окне
И у крылечка
Две рябины.
Что ищем мы
В пустынной мгле?
Какого смысла
И достатка?
Когда
На собственной земле
Не можем
Навести порядка...

* * *

Родная, ты права,
Все сущее от бога:
Какая голова —
Таков и звук
У слога.
По совести,
Уже
Мысль и моя
Не внове:
Нет ясности в душе,
Откуда ж взяться —
В слове?
Не поклонюсь хлыщу,
Не опущусь до лаю.
Ищу себя,
Ищу,
Ращу
И осветляю.
Склоняюсь
До травы,
До неба
Поднимаюсь,
А мудрой головы
Пока не најил,
Каюсь!
То не подумал
Там,
То здесь
Недокумекал...
Душа — напополам,
На две системы века.
Друг дружку — клин на клин! —
Сживают аж со свету.
Но я-то ведь
Один,
Мне жалко ту
И эту.
Немалое стерпеть
Велит необходимость.
Не привлекает смерть —
Забудь
Непримиримость!

Лишь так стоит вопрос
В конце тысячелетья.
И хочется до слез
Всем перебраться
В третье.
Но сверхзадача в том,
Чтоб — спяну,
Сдуру,
Сблуду —
Не ставить
Кверху дном
Вселенскую посуду.
Правителям — дружить!
Народам — жить согласно!
Друг с дружкой
Не темнить,
А выражаться
Ясно!

* * *

«Не важно, сколько ты прóжил,
А важно, сколько ты сделал»,—
Не зря говорили прежде
Разумные старики.
И ладно рубили избы,
Пахали зело умело,
И чистили в реках русла,
И ставили ветряки.

А детям внушали смладу
Проверенную науку,
Учили тачать,
Бондарить,
Столярить
И корчевать.
И те никогда, переча,
Не поднимали руку
Ни на лесную молодь,
Ни на речную гладь.

Теперь бы поднялись деды
Да глянули по-хозяйски,
Как правнуки,
Обучившись,
Продолжили их труды.
Послушали б наши речи
Про тряски
Да неувязки,
Про наш дефицит
Озона
И наш дефицит
Воды.

И страшно, и —
Горько, стыдно...
Но все же долой усталость!
Видать, наступило время
Для аварийных работ:
Спасти,
Что еще осталось,
Сберечь,
Что не доломалось,
Восстановить,

Покамест
И память,
И дух живет.

Встаю до восхода солнца,
Прохладу несу с колодца,
Досадую по дороге:
Ну, сколько ж можно юлить?
Пора подниматься зрело
За наше святое дело!
И я тороплюсь работать,
Верней,
Продолжаю жить.

* * *

Не лукавлю пред собой, как прежде,
Занову
В заветную тетрадь:
Страшно жить
Без веры и надежды,
Но еще страшнее
Помирать.
Что бы ни молולי там
В порыве...
Только самых стойких
Лиц и птиц
Вряд ли вдохновляет
В перспективе
Общество червей
Или мокриц.
Может, тела бренного
Не жалко...
(Телом мы не раз
Мостили гать),
Но душе
Не хочется на свалку,
Ей повыше б место
Подыскать.
Если уж не в кущах,
То в мерцанье
Лунного
Иль Млечного Пути.
Неужели
В целом мирозданье
Для души
Да места не найти?
Не могу смириться,
Согласиться
И жевать
Приевшуюся ложь.
Больше
Закаленного партийца
На мякине —
врешь! —
не проведешь...

Просьба

Занеси меня в Красную книгу,
Не губи,
Пожалей,
Пощади.
Что —

в кармане держащего фигу —

Ожидает меня
Впереди?
Погляди,
Сколь покорно и долго,
Растеряв по дороге
Апломб,
Я сижу,
Как под праздничной елкой,
Под гирляндами
Атомных бомб.
А меж этим,
По сводкам эфира,
Донага расчехлясь по весне,
Все ракеты
Враждебного мира
Прямо в сердце нацелены
Мне.
Не сочти,
Что пуглив, как ребенок,
Но признай,
Признавая прогресс:
По сравненью со мной
Аистенок
Просто очень счастливый
Балбес.
За него и наука,
И пресса,
И — до бел-раскаленных висков —
Защищает его интересы
Сам Василий Михалыч Песков.
Ну а против души моей русской,
Может быть,
Не один континент,
И с улыбкой своей
Голливудской
Самый-самый из всех

Президент.
Сколько ж надо
Терпенья и воли,
Чтоб отвести
Мировую напасть,
И взрастить
Свое трудное поле,
И в него самому
Не упасть.
Потому и молю я — без крику —
Ради жизни и блага земли:
Занеси меня
В Красную книгу,
Пока в Черную
Не занесли.

ЗЕМЛЯ ПОД НОГАМИ

Поэма

Земля под ногами

(Поэма)

*Солдату Великой Отечественной —
Николаю Андреевичу Мельникову*

...Дело прочно, когда под ним стру-
ится кровь...

Н. А. Некрасов

1

Бой разрастался, накалялся —
И раскалился до конца,
И танков — масса,
Фрицев — масса,
И нет отдельного
Лица.

Сместилось время,
звучи,
краски,

Всё на скаку
И на бегу,
И всюду каски,
каска,
каска —

Милльон болванок
На снегу.
Какие, к черту, рокировки?
Коль в куче стоны,
Мат и чад,
И злобно твякают
Винтовки,
И автоматчики
Частят.

Не одолеть никак долины:
Вперед — назад,
Накат — откат,
А под ногами
Рвутся мины,
И бомбы
На спины летят.
Вон черный столб
Под небо взвился —
И с корнем
Рухнула сосна...
Бой распалился,
Расходился

И раскалится
Докрасна.
С обочин
Конские копыта,
Как кулаки,
Грозятся все,
И перепахано,
Изрыто
Волоколамское шоссе.
От изрыгающих орудий
Оглох
И сжался окоем,
Горят снега,
И тают люди,
И недра
Ходят ходуном.
Остервенел фашист от крови,
Осатанел,
Ощерил рот.
Он в землю нас
Вогнал по брови,
Вот-вот по маковку
Вобьет.
Ведь впереди у нечестивца
Предел мечтаний,
Благодать —
Москва,
Столица всем столицам,
И до нее —
Рукой подать.
Каких-то сорок верст от силы
Пересеченного пути...
Да он согласен

пол-России

На голом пузе
Проползти.
По черепам,
Убитым деткам,
На волю выплеснув тоску
По столь желанному куску,
Еще завещанному
Предком.
Хотя ему,
Тому тевтону, —
И не однажды за века —

Не без причины
И резону
Минали русичи
Бока.
Но нет, нейметя...
Так маючи
Чужих костров
Огонь и дым.
А плод запретный
Только слаще,
Когда почти
Недостижим.

...О, русская земля!
Издравле
Влекли завистников
Сюда
Твои певучие
Деревни
И зоревые
Города.
И до сих пор,
Покой взрывая,
Тираня кровь
И рая слух,
Им поздри
Хищно раздувает
Твой
Из глубин идущий
Дух.
У них не зря
Гуляют нервы
И неспроста
Сжигает зуд:
Ты на дороге их
Неверной
Всегда стоишь,
Как высший суд.
Мешаешь пить
Чужие воды,
Хлеба, не сеявши,
Топтать,
К тому же
Малые народы,
Как в масле кильку,

Пожирать.
И доля эта
Достается
Как знак особого пути.
Но участь солнца —
Тратить солнце
И жребий
С гордостью нести.

И вдоль, и поперек по свету
Пройди
И посмотри на свет —
Избранничества выше
Нет,
И жертвенности чище
Нету.
Но как-то сразу так случилось,
Что вечный циник
И нахал
И эту божескую
Милость
Как дань законную
Приял.
Двуногих алчущая свора,
Коли дорвется до чего, —
Всех доведет
И до раздора,
И до позора,
И разора,
Но не упустит своего.
Тут назначенье — поглощенье,
И беспричинно помышлять,
Что здесь уступят
Без сраженья
Хотя б ничтожнейшую пядь.
А для светила
Горше нету,
Коль кто-то —
В драчках не силен —
Опять теплом его
И светом
Несправедливо обойден.
С того и внятен,
И понятен
И бескорыстный нрав его,

Происхожденье
Темных пятен,
Да и затмений существо.

...О, русская земля!
Доколе
Тебе смыкать,
Скликаая,
Рать,
Чтобы засеянное поле
Сыновней кровью
Поливать.
И так мы крови не жалели
На всем пропаханном пути.
От шрамов и рубцов
На теле
Живого места
Не найти.
Двадцатый век
Не шибко ласков,
Зато на раны
Тороват:
Еще не зажили
С германской,
с гражданской —
свежие —
болят.

А вслед —
Гигантские плотины,
Каналы,
Нары,
Лагеря...
И снова — горькой,
Неповинной
Не реки даже,
А моря.
Но внушено почти что с детства:
Признанья в истинной любви,
Как исторические действия,
Замешивались на крови.

А почему
И в самом деле,
Когда отцы
На крутизне

И в будни
Крови не жалели —
Вдруг нам жалеть
В такой войпе.
Никто теперь не растолкует,
Какой внушил
Вампир и тать,
Что кровь
Затем и существует,
Чтоб ей пожары
Заливать.
Вот и хлестнула без учета
В бездонный
Черный чан войны:
За взводом взвод,
За ротой рота,
Пехота,
Труженики флота,
От санитаря до пилота —
Все были долю внести
Должны.
А при таком патриотизме
И полководцы
Хоть куда:
«Вперед!» —
Да громче: — «За Отчизну!» —
А лозунг вывезет всегда.
И пусть посмеет пикнуть кто-то,
Коль жизнь ему недорога,
О стратегических
Просчетах,
Сыгравших
На руку врага.
Ведь знает каждый знаменитый
И мало слышный человек,
Кто всем опора,
И защита,
И главный тактик,
И стратег...

2

Светлый храм Иоанна Предтечи
В неземной устремлялся предел.
Он вратам смотрелся

На вечер,
Алтарями
На утро смотрел.
Он парил
Над зеленой округой,
Разливал перезвоны
Окрест,
И светился
Над полем и лугом
Золоченый —
до маковки —

крест.

Собирая на праздники
Паству,
Освящал не спеша
Куличи
И учил
Милосердью и братству,
А разбою и злу
Не учил.
Светлый храм Иоанна Предтечи,
Набираясь со временем сил,
Не давил
На крестьянские плечи
И в заблудшей душе
Не сорил.
Но однажды примчались
В кожанках,
Оборвали со стен
Образа
И, при выходе
Батюшку жамкнув,
Зафанерили храму
Глаза.
И свалили на паперть
Иконы,
Обострив
Несгибаемый взор,
Чтоб с растопкой
Из книжек церковных
Запалить
Комиссарский костер.
Но, озябнув и дрогнув, похоже,
Грели руки
Над адским огнем,

И коробилась
Жирная кожа
И вздувалась порой
Пузырем.
А под ней,
По карманам зажаты,
Всё топорщились
«Знаки тщеты» —
Золотые оклады,
Лампады
Да литые
Святые кресты.
Но насытили вдоволь утробы,
Ощутили победу в борьбе,
Лишь когда
Колокольные грома
Повалили
Под ноги себе.
И умчались опять,
Как возникли,
Словно не было бесов
И нет.
Но из праха воскресшие
Лики
Им смотрели, сжигая,
Вослед.

Храм с тех пор
Не поет и не слышит,
Но, от стужи
И страха дрожа,
Говорят, что украдкою
Дышит
По ночам,
Когда спят
Сторожа.
Все его дорогое убранство,
Все дары прихожан
И гостей
Поглотили
Распутство и пьянство
Расходившихся
Местных властей.
А былой протодьякон Егорий,
Кое-как открестившись от них

(Разоренных хватало подворий),
В деревеньке безлюдной
Притих.
Он не дергался против порядка,
Не впадал в нетерпимость
И зло,
А копался
В картофельных грядках
И считал, что ему
Повезло.
Знал он, знал
Безысходную участь
Неотрекшихся
Бывших коллег:
Тот убит,
То есть умер, не мучась.
Тот скитается,
Ибо убег...
Ну а сколько пропало без вести
В Соловках,
В казематах,
В лесах?..
Может, лучше уж было
На месте,
У родных прихожан на глазах...

И отца у Егора
Загнали:
Был, к несчастью,
Большой человек.
Да в такие задвинули
Дали,
Что вовек не видаться.
Вовек.
Было двое ребят у Егора,
Бог таких херувимчиков дал.
Ни ущерб в дому,
Ни позора
Чрез ребяток
Родитель не знал.
Но на школьных собраниях Заречья
Их забили,
Клеймя без конца,
И заставили силой
Отречься

От него,
Мракобеса-отца.
Рамы били,
И матом крестили,
И зажали в такие тиски,
Что, умом
И душой
Обессилев,
Попадья
Удавилась
С тоски.
Вот тогда протодьякон
И понял,
Сколь ничтожно
В миру существо,
А защиты
От мрази в законе,
Кроме Господа,
Нет никого.
Хорошо еще
Ум не потерял,
И как самая высшая честь
Есть
Отцовский ромашковый
Берег,
И ветла материнская
Есть.
Тяжелы и печальны прозренья
Да в таких-то усталых летах.
Громоздятся они,
Что каменья,
В нежилых
И гнилых омутах.
На плечах
Обвисают одежды,
Все короче и уже
Тропа,
И мирской
Не осталось надежды
У отпетого всеми
Попа.
Только звон
Угрожающей стали,
Перещелки
Курков да оков.

...Так мы сами себе
Наживали
Вместо братьев —
Заклятых врагов.
Так мы сами
Позорили имя
Милосердной
Отчизны своей:
Ведь пришельцев руками глухими
Умерщвляли
Родных сыновей.
При послушном
Содействии прессы.
Для костров
Не жалеющей дров,
Разжигали
Такие процессы,
Что сгорали
Милльоны голов.
Мы собой
Не могли нахвалиться,
Пёрли к цели
Скорей и скорей!
Но глядела на нас
Заграница,
Как на добрых
Больших дикарей.
Не сидела без дела
Россия,
Лагеря оснащала
Страна.
Даровая
Рабочая сила —
Ну кому же она
Не нужна?
И скоплялись
За свежей колючкой,
Унимая обиду
И злость,
Не шпана,
Не ворье-белоручки,
А рабоче-крестьянская
Кость.
И туда же —
Гиганты науки,

Полководцы,
А следом — вожди...
Гитлер вскинул, наверное, руки:
«Все! И лучше момента не жди!»

Заработала с визгом машина
И погнала
Стальную волну,
Ту, что столько держав
Сокрушила
И еще разутюжит
Одну.
Но Адольф просчитался отчасти:
Ванька добр
И податлив душой,
Да — запуганный
Собственной властью —
Никогда не боится
Чужой.
И вовек под чужие знамена
И отверженный —
Он не пойдет.
Только самых
Навек оскорбленных
Мог порадовать
Этот приход.

...Не злорадствовал — нет! — протодьякон,
Когда немцы
В деревню вошли:
Жизнь России
Поставлена на кон,
Хоть суровой,
Но отчей земли.
Но, конечно, умом понимал он:
В лучшем случае —
Бросят в тюрьму.
В оккупации
Доблести мало,
И не будет пощады
Ему.
Обмирал
И крестился во страхе,
От предчувствий
Сжимался и глож

И глядел
На солдатские бляхи,
Повторяя слова:
«С нами бог!»

Приглядевшись
К нагрывавшей своре,
Покорившись
Проклятой судьбе,
В этот раз
Протодьякон Егорий
Отступленья
Не видел себе.

3

Его к полковнику ввели
И приказали сесть.
Весь пол в грязи,
А стул в пыли,
«Спасибо, Ваша честь!» —
«Чего ты морщишь губы, поп,
Как патриарх Руси?
Ты, видно, хочешь пулю в лоб?
Так только попроси».

«Позвольте поблагодарить.
За что — и не решу...
А коль о пуле говорить:
Я вовсе не спешу».

«А ты, однако, дерзок, поп.
И, кажется, не глуп.
Я прикажу солдату,
Чтоб
Тебе подали суп.
Ты будешь кушать наш обед,
Печенье и халву.
А после этого
Ответ
Держать
По существу».

«Как Вам угодно, Ваше-ство.
Не ел уже дней пять.

Но прежде —
В чем же существо,
Позвольте разузнать?»

«Похвально рвение твое.
Ты, видно, не бандит.
Вои церковь —
Видишь ты ее? —
У Ленино
Стоит.
Ты жил когда-то в том селе
И в церкви той служил.
А что за клад
В полночной мгле
Ты в землю
Уложил?»

«Я не злодей,
Не нудей
И верю в Страшный суд.
Все ищут клады,
А людей
Совсем не берегут.
Налаят друг в друга,
Жгут огнем...
То дьявольская пруть.
Кому-то дорого потом
Придется заплатить...»

«Расфилософствовался, поп,
Раскипятился весь.
Видать, с собою хочешь
В гроб
Сокровища унести?»

«Я знаю: этому не быть,
Хоть близок смертный час.
Но бриллиантовая нить —
Я чую —
Свяжет нас».

«Ты набиваешь цену зря.
Я в тайну посвящен
И знаю,
Что из алтаря

Ларец
Перемещен.
Известно,
Это графский дар.
Я помню:
Ветхий экземпляр...
Газетное клише...
Когда дедка хватил удар,
Он вспомнил
О душе.
Ведь я историю искусств
Могу читать во сне.
Питаю массу добрых чувств
И к вашей старине.
А графский взнос
Почти в мильон!
Сей редкий матерьял
Воображение мое
Давненько занимал...»

«Граф жил грешно
И был гоним,
Наделал много зла.
Но тайна исповеди
С ним
Под землю
Перешла.
Хотел он церковь заложить
Богатую,
Как встарь.
Хотел очиститься,
Пожить,
Да тут пришел
Октябрь.
Но с нас
Он слово взять успел,
Что все пойдет
На храм.
Один из всех
Я нынче цел,
Но клятву
Не предам».

«Не надо клятвы предавать.
А чтоб исполнить долг,

Ларец с камнями
Нужно взять,
И я помочь бы мог.
Уже шестое декабря
И — сорок первый год.
Взойдет декабрьская заря —
И Ленино
Падет.
К обеду мы село возьмем.
Здесь будет суший ад.
Но ты запомни:
Только в нем
Таится
Райский сад...
Мои гарантии — увы! —
Лишь честь.
И только честь.
Но ведь лишиться головы
И ты не хочешь здесь?
Тогда дерзай
И знай одно:
Твоя на карте жизнь
Нам друг без друга все равно
Никак не обойтись.
Мы куш разделим пополам —
И все:
Прощай-прости.
А хочешь, я возможность дам
В Германию уйти.
Ты можешь двинуть
На Росток
Иль, скажем, Северин.
С деньгами ты
Не царь и бог,
Но все же —
Господи!
Там много северных славян —
Тебе знакомый люд.
Они стеклись
Из разных стран
И ничего:
Живут!»

«Мне, право, лучших перспектив
Никто не рисовал.

Девичам
Под такой мотив
И снится
Идеал:
Цветет сосна,
Поет весна,
И на душе светло.
Ну что же!
Цель теперь ясна.
Осталось —
Взять село...»

4

Окопы в рост на огородах,
Посты проверены опять,
А генерал Белобородов
Не может есть,
Не может спать.
Перед глазами
Храм Предтечи
Стоит как вызов
И укор,
Так изувечен,
Искалечен,
Как не случалось
До сих пор.
И быть
За век свой некороткий
Не приходилось старине
Ориентиром для наводки
И той,
И этой стороне.
А на командном пункте
Смрадно.
Мозг от усталости
Набряк:
«Они-то пусть...
Они-то ладно.
Но как же мы-то?
Мы-то как?»
Для генерала
Нет сомненья,
Что это —
как там ни круши —

И слава
Русского уменья,
И высота
Людской души.
Белобородов смотрит ценко
И так кричит,
Что слышно нам:
«Перенести огонь
От церкви
Бдоль
По обеим сторонам!»
И, пробежав по темным лицам,
Опять кипит, горяч и лих:
«Мы им покажем, этим фрицам,
Как помним
Прадедов своих!»
Он верит
Ратной русской силе:
Давно обстреляны полки
И никогда не подводили —
И не могли! —
Сибиряки.
Он сам из них,
Из непокорных
И неуступчивых ребят,
Чьи глубоко в подзале
Корни.
А ветви —
Вона где кипят!
А для охотников таежных
И снег московский
Мелковат,
И даже простудиться
Сложно,
Когда шинель
Почти до пят.
Согрев «наркомовкою»
Душу,
Они, прицельно щуря
Глаз,
Отборных
Фрицевских «кукушек»,
Что белок,
Шлепают как раз.
Но силы быстро

Убывают,
Прорехи шире,
Чем вчера.
И добровольно их
Латают
И фельдшера,
И повара.
Придется лечь
Спиной к оврагу,
Напрячь
Все клетки естества...
Назад ступить
Нельзя ни шагу,
Там вправду некуда:
Москва.
Она
На грани поражения,
Почти закопанная в лед,
На чрезвычайном положении
Сосредоточенно
Живет.
И надо, надо вдрызг
Разбиться,
Все невозможное
Свершить,
Чтоб непокорная столица
Такой же
Продолжала жить.

Пусть неприятельские планы
И леса выше,
И небес —
Сумеют
Русские Иваны
Сломать
Дивизию эсэс!
Хотя здесь выучка,
И знанье,
И опыт,
Бьющий, как колун.
Сам Гитлер
Выдумал названье
Сей операции —
«Тайфун».
Не потому ли

Храм Предтечи,
Что сирот смотрит в облака,
Особ-вниманием отмечен
Осатаневшего полка.
Летят шматки сухой извести,
Исклеван пулями
Карниз,
И сметены огнем
Березки,
Что на карнизе
Прижились.
Уже предел
Душе и воле,
И пресен,
И бессилен спирт.
А танки снова
Прут по полю,
И бруствер
Минами разбит.
Но вечна
Истина простая:
Защитники
Земель родных
В святую почву
Так вырастают —
Ничем
Не выкорчуешь их.
Им в помощь все:
Глухая стужа
И вихрь, взрывающий пургу.
Лишь нет
И быть не может хуже
Погоды,
Что любá врагу.

Бойцу всего нужней, конечно,
Посланья из родимых мест:
От старых матушек,
Сердечных,
От жен,
Детишек
И невест.
Тогда взбодрит
И дух, и тело —
И облачко над головой,

И песенка,
Что прилетела
По проводам
К передовой.
Призвав на помощь
Всю живучесть,
Стоят ряды —
к стене стена,—

Но только этим
Вражья участь
Еще не вся
Предрепена.
Хоть продиктована любовью
К Отчизне в грозном снегу
Омытая
Слезой и кровью
Литая ненависть к врагу.
Она до скрежета,
До хруста
Сжимает зубы у бойца.
А значит,
Ненависти русской
Нет ни предела,
Ни конца.
И беженцев за нею —
Вёрсты,
И в стружьях
Старцы и мальцы,
И обещанные сестры,
И оскверненные дворцы;
Укор в глазах родных и милых,
Изба отцовская —
Пуста,
И всюду —
Свежие могилы,
Порой без знака
И креста.
А недруг
В церкви на амвоне
Нужду справляет
И смердит...

Все в нас кипит,
Горит

И стонет
И облегченья
Не сулит.
И эти боль и стыд
Без меры
И душат,
И велят опять
За жизнь,
За правду
И за веру
И биться насмерть,
И стоять.

5

Собрались,
напряглись —
и поперли.

Шаг за шагом.
За метриком метр.
До хрипенья,
До сухости в горле,
До гуденья суставов
И недр.
По-пластунски
от точки до точки,
В рукопашном —
отважном —
бою,

По клочку,
По кусточку,
По кочке
Возвращаем
Землицу свою.
Пусть не так чтоб успешно
И быстро,
Не без срывов,
Надрывов
И тряска.
Но уже отвоевана
Истра,
А за нею
И Волоколамск.
Отогнали,
Отбили, осили.

Раскрутили
Свой жернова.
Будет жить и бороться
Россия,
Коль живет и воюет
Москва!
А пока что,
Уставшие драпать,
Прокаленны
В огне и дыму,
Повалили ребята
На Запад.
И уже не свернуть
Никому.

...Что-то понял
Надменный полковник,
Поумерил
Врожденную прыть
И подумал:
«Пора бы по кóням,
Ларчик надо на время
Забуть.
А о пленнике
Я позабочусь.
Он безвреден
И нужен пока.
Окажу
Высочайшую почесть —
Отошлю
Прямо к ффрау
Попа.
Благо ранен денщик...
Бедный Говард
Под осколок шальной
Угодил.
Надо выискать,
Выдумать повод
И обоих —
Санпоездом в тыл.
Пусть заложником попик
Побудет.
Марта вышколит —
Строгая мать:
Или к грязной приставит

Посуде,
Или землю
Прикажет копать.
Только пусть она
Глаз не спускает:
Протодьякон
Себе на уме...»
Вот об этом — о главном — пускай он
И напишет супруге
В письме.
Минет все,
Но останется солнце,
И луна не погаснет
В петле.
Все равно он вернется.
Вернется
К этим камушкам
В русской земле.

6

...И обустроился Егорий,
Как предсказал надменный фриц,
У самых северных
Нагорий,
У самых западных
Границ.
Он холод пережил
И голод,
И порки
Палкой и ремнем,
Зато нашел однажды
Повод,
Убрался в лес —
И канул в нем.
Он жил
С медведем по соседству,
Делил с кедровкой-белкой
Стол,
Но вышел
К русскому семейству
И здесь
Сочувствие нашел.
Поскольку сдержанный хозяин

(Старорежим...
Былая знать...)
Приткнулся тут
И словно замер,
Боясь, что могут
И достать...

Они дожили
В полудружбе
До окончания войны.
Во славу русского оружия
По чарке выпили недужно,
России блудные сыны.
Погоревали об Отчизне,
Признав,
Что до предельных лет
Лишь там
Для них
Не только жизни —
Достойной даже смерти
Нет.

...Какая каторжная доля!
И что кивать на сатану,
Когда одна
Тиранья воля
Подмяла
Целую страну.
Тщеславию скрытому
В угоду
Не зря, не зря —
Холодный лжец —
Внушал
Великому народу:
Мол, ты —
Истории творец.
И в главной крепости столичной
(Все за спиной творца того)
Казнил и гнал
Единолично,
Хотя от имени
Его.
С народной массою
Не споря,
Особой ролью

Не кичась,
С годами вырубил
Под корень
Ее мыслительную
Часть.
Молило имя человека,
Взывали глуби естества...
Но сын Дявола
От века
Не внемлет гласу
Божества.
О вот он — главный победитель!
Но, коль виновны перед ним, —
Великодушья
Не ищите:
Он только мщением
Палим.

И, значит, вовсе дело
Худо.
Хоть признавай
И верь тому,
Что ты действительно
Иуда
И враг
Народу своему.
Никто всерьез
И не поверит,
Что беглецу
В чужий угла
Ночами снится
Отчий берег
И материнская
Ветла.
Но как носить душе-то
Это?
Молчат устало
Образа...
Смешно ж по-детски
На портрете
Вождю
Выкалывать глаза.
Он видит все
С высот парада,
Он всем надежда

И оплот,
И, если только будет надо,—
Он под землей
Тебя найдет.
Сиди, Егорий,
И не керкай,
Не дергай гривой
И плечом.
Ты меньше метра
Вместе с кепкой,
Считая пуговку
Притом.

...Но, однако, дожёл протодьякон
До путевых примет
И газет,
И дождался,
Дождался, однако,
Что забрезжил на родине
Свет.
И пускай он остался
Бесправным,
Но, посты и молитвы
Блюдя,
Перемог он
Полковника,
Фрау
И — бессмертного даже
Вождя.
Заблуждаться не смел,
Как и прежде:
Сам-то...
Вроде предатель...
Беглец...

«И какая блеснула
Надежда?
И с чего?
И на что, наконец?
Хоть прибавилось вроде
Уюта
В незабытой
Крестьянской избе.
Но какое там дело
Кому-то,

Что домой
Захотелось тебе?
Пусть Хрущев
Вдохновенно и храбро
Супостатов
Разит наповал,
Но пока
Восстанавливать храмы
Он российский народ
Не призывал...»

Так Егорий в смятеннях,
Бореньях,
Не давая покоя
Душе,
Упускал и здоровье,
И время,
И до ветхости дóжил уже.
И лицо его
Сделалось ликом
На краю рокового пути.
Но не мог же он
С тайной великой
В чужеземную почву
Уйти.
Чтоб заветы предать
И молитвы
В самый, может,
Предельный момент,
Как, к примеру,
Холуй недобитый
Иль какой-нибудь там
Диссидент.

А крещенскую стужу во взоре
Разморозил
Пасхальный апрель.
И решил
Протодьякон Егорий
Обратиться с посланием
В Кремль.
Не пугали интриги,
Вериги,
Но терялась в сомненьях
Душа...

Алексей Николаич Косыгин
Больше прочих
Доверье внушал.
И признался ему
Протодьякон,
Что на склоне
Бесмысленных лет
Навсегда он Отчизну
Оплакал,
И назад возвращения
Нет.
Но как русский,
Хотя и непужный,
Но как сын —
Пусть без высших идей —
Он хотел бы
Последнюю службу
Сослужить
Для России своей.

«Только чтоб —
Без лукавства,
Коварства.
На земле Ваше слово —
Закон.
И потщусь я
В казну государства
Передать
Не один миллион.
Самому ни копейки
Не надо,
Их туда
Не возьмешь все равно...
Очищенье
Мне станет наградой,
А условие будет
Одно:
Красота
Лишь уродству
Перечит,
И марксизм
Да пребудет един.
Только храм Иоанна Предтечи
Должен встать наконец
Из руин.

Я газеты читаю, журналы.
В телевизоре видел не раз:
Все разрушено,
Всюду завалы...
Сами катятся
Слезы из глаз.
Это ж не атеизм,
А бесовство...»

Так и ухнул
Булыжником в пруд.

Говорят,
Приглашали в посольство,
Но, наверное, все-таки
Врут.

Только вскоре
По Ленино —
Точно! —
Заходил
Угнетенный техснаб,
Объявилась бригада рабочих,
Архитектор возник
И прораб.
А до этого
Ночью глухою
Объявился «пикап»
Вороной.
Топнул старший в папаше
Ногою
У воротницы левой,
Входной.

У чекистов болтают
Не много,
Там порядок еще
Не забыт.
В пять минут —
перекрыта дорога,
А в пятнадцать —
и ларчик открыт.

Посветили фонариком
Малость —
И с охраной
Пропали вдаль...

А к утру
Только метка осталась
Из притоитанной
Свежей земли.
И никто объяснить вам
Не станет,
Что тут было...
Не ведает сам.
Удивляются только
Селяне:
Больно быстро
Отстроили храм!
Он для службы, конечно,
Не годен,
Там внутри —
Ни икон,
Ни окón.
Он совхозного склада
Навроде:
Хранят пленку какую-то
В нем.
Но стоит!
И видать издалече!
Как привет
Из прошедших годов,
Светлый храм Иоанна Предтечи
На границе великих боев.
Под небесной лазурною
Сенью
В сорока
От столицы верстах.
Ах, какие сокровища
В землю
Закопали мы
В этих местах:
Сколько добрых сердец
Положили,
Сколько умных и смелых
Голов.
Самых-самых...
В расцвете и силе...
Без оркестров,
Салютов
И слов.
Самых добрых надежд

И стремлений,
Самых дерзких порывов души!
Бескорыстие
Тех поколений,
Погребенное
В вечной тиши,
Круговое солдатское
Братство,
Чувство долга
На крайней черте...

Потерявшим
Такое богатство,
Долго нам пребывать
В нищете.
Сознавая,
Стремиться к примеру,
Утверждать
Всенародную власть.
И лелеять
Остатнюю веру,
Чтоб в безверие
Вовсе не власть.

Вот не стали на землю
Молиться,
Да беречь,
Да любить,
Да ласкать,—
И не хочет родиться
Пшеница,
Колоситься
И стать набирать.
Порубили сосновые
Чащи,
Расшвыряли,
Куда привелось,—
И беснуется
Ветер гудящий,
Пронимающий душу
Насквозь.
Разучились играть
На гармонии,
Собираться на песню
В кружок,—

Вот и шпарит
Почти на амвоне
До корней развинтившийся
Рок.

А ведь хочется,
Чтоб среди пашен —
Не в каком-то гнилом шалаше —
В Главном храме
Истории нашей
Было вольно
Народной душе;
Где б сияли
Олегово знамя
И звезда куликовских ночей,
И светилась
Высокая память
Каждой гранью
В сто тысяч свечей.
Нам нельзя ни забыть,
Ни растратить,
Ни порвать
Истонченную нить,
Чтобы кстати потом
И некстати
Ни себя,
Ни других не винить.
Не заламывать руки:
«О боже!» —
А нести в себе мир
И привет.

Жалко, что протодьякон
Не дождал
(Так немного!)
До нынешних лет,
Где и небо
Не так уже мглисто,
И светлеть
Надлежит ему
Впредь.

Он приехал бы,
Может, туристом,
Чтоб на церковь свою

Посмотреть.
Постоять
На отцовском пригорке,
Поклониться
До самой земли
И оплакать
Солдат ее горьких,
Что ее
От врага сберегли.

А Россия
Богата сынами
И сильна,
Как твердыня Кремля.

Ну а эти сокровища
С нами,
Пока наша
Под нами
Земля.

*Переделкино — Вологда — Комарово,
февраль — апрель 1988 г.*

СОДЕРЖАНИЕ

Поле	3
«Ничего не надо подправлять...»	6
«Докатились, кажется, до точки...»	7
Единство	8
Обращение на «Вы»	9
«Вот опять намудрил...»	11
«Пошла такая жизнь...»	12
Отстояли	13
«Нас упорно держат в черном теле...»	14
«Куда опять носило нас...»	15
Бойцы	16
Больная	17
«Враги»	18
«Будь готов ко всяким временам...»	19
«Отпеваю родимую маму...»	20
«Напрасно я ищу в душе успокоенья...»	22
«Что видел я в этой жизни...»	23
«Ой как ветрено в нынешнем мире...»	25
Опустошение	26
«Дождь ли поздний струится на крышу...»	27
«Тихо на улице, тихо в доме...»	28
У памятника	29
«Собираются тучи вокруг...»	29
«Пока не преданы забвенью...»	30
Затворник	31
Самосожженец	32
Поиск	33
«Замело листопадом округу...»	35
Речка	36
«Не первый раз я попадаю в шторм...»	38
На берегу	39
«А море не надоедает...»	41
«Дальний шум поездов...»	42
Плач по деревне	44
«Мы выгядим, как выгядеть должны...»	46
«Не всех дурней...»	46
Долги	47
«Так устал от многолюдства...»	48
«Не живется людям по-хорошему...»	49
Дите...	50
Мегера	51
«Не для людей воздвигнут город...»	52
«В машине лопнула пружина...»	53
«Разыгрались волны не на шутку...»	54
«Все еще на разум уповаю...»	55
«Октябрьский ветер над шоссе...»	56
«В хороших винах нет осадка...»	56
«Прости, любимая, прости...»	57
Соплеменницы	58
Новостройки (шутка)	59
Семейная сценка	61
Приехали...	62
Малина	64
«Снова забурлили учрежденья...»	66
Отмщение	67
«Ты погляди вокруг, мой друг...»	68
«Родная, ты права...»	70
«Не важно, сколько ты прожил...»	72
«Не лукавлю пред собой...»	74
Просьба	75
Земля под ногами (Поэма)	77